

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ЕГОРОВ – ГЕОЛОГ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

(Воспоминания Ю.П. Масуренкова)

Для меня он никогда не был Олегом Николаевичем! Но поскольку я хочу рассказать о нём другим людям, знавшим его уже в зрелом возрасте или вовсе не знавшим, эта полная форма упоминания, наверное, только и уместна. И всё-таки я вынужден начать просто с одного имени – Олег, потому что сначала обращусь ко времени, когда он мог и быть-то только Олегом. Это был или 1943 год, или 1944 в городе Ростов на Дону, в 6-м или 7-м классе 39-й мужской средней школы. Здесь в нашей школе состоялась встреча и знакомство моё с пожизненными друзьями: Лёней Гарифулиным и Олегом Егоровым. Через пару лет к нам присоединились Саша Борсук и Витя Аянов. Эта пятёрка сохранила дружбу на всю жизнь. Наша дружба то вспыхивала, крепла, поддерживаемая непосредственным общением, то уходила вглубь и ждала своего часа в периоды расставаний. Иногда её омрачали несущественные размолвки, но она всегда была, и длилась до самой смерти кого-либо из нас. Впрочем, друг уходил, а дружба оставалась и остаётся в сердце каждого, пока жив хоть один. И Бог даст, останется и в этих записках, когда уже никого из нас не будет.

В большинстве своём мы были тогда полунищими, и ходили в школу в обносках, обычных в военное лихолетие. Но Олег выделялся среди нас очень приличной военной формой, включая замечательные хромовые сапоги. И жил он в отдельной комнате двухкомнатной квартиры своей тётки. Родители его обретались в Воронеже, и по каким-то обстоятельствам (Олег как-то обмолвился об отсутствии мира в их семье) отправили его учиться в Ростов. Отец был крупным чином в КГБ, мама, кажется, директором завода. И хоть по социальному положению и материальному уровню он отстоял далеко от нас, а вот родственность душ сблизила и скрепила нас так, что прошедшие десятилетия не смогли не то что разорвать, но даже сколько-нибудь ослабить или как-то изменить эту связь.

Школа была очень интересным для нас временем и местом. Нам сильно повезло с учителями, сумевшими ввести нас в увлекательный мир своих предметов. Всё было привлекательно, хоть и в разной мере. Литература, история, география, естествознание, математика, физика. Постоянно писались сочинения на заданные и самостоятельные темы, устраивались обсуждения наиболее интересных из них. Издавали рукописные журналы с самодельными рассказами, стихами, рисунками и даже (подумать только!) с политическими и

научными статьями. Городские библиотеки и коллективные посещения театральных спектаклей тоже были неизменными объектами нашей восторженной и мучительной жизни.

Не последнее место в классе принадлежало нашей группе: Олег Егоров – сторонник и скрупулезный воплоитель фундаментального подхода ко всем видам человеческих знаний, Леня Гарифулин – певун и романтик путешествий, Витя Аянов – талантливый художник, Саня Борсук – фантастически яркий артист, а ваш покорный слуга – несостоявшийся (медкомиссия!) капитан дальнего плавания, мечущийся между «небом, водой и землёй». И издание «научно-литературных» журналов, и разного рода школьные акции – почти во всём ведущее участие нашей группы. В общем, ребята не без претензий на нечто значимое.

Но школа есть школа, и всякого рода занудств в ней тоже хватало, среди которых первенствовала так называемая общественная работа по комсомольской линии. И не все учителя были хороши, и необходимость учить уроки тоже доставала. В общем не без негатива. А тут ещё и возраст, проявлявший норов и требовавший ответов на вечные безответные вопросы: «быть или не быть» или «смысл жизни».

Словом, душевное смятение и разброд в мыслях тоже присутствовали, что однажды в прекрасный октябрьский день после школьной линейки во дворе перед парадным входом в школьное здание по предварительному сговору с ребятами наш класс направился не в школу на занятия, а дружным строем перед оторопевшими учителями и директором на улицу в коллективный прогул. Вот-то поднялась суматоха! А мы всем классом невозмутимо и дисциплинированно продефилировали мимо педагогов и растаяли в городе. Этот немислимо дерзкий поступок, конечно, не остался без соответствующих последствий.

Сначала грозили исключением из школы и комсомола. Несколько дней держали в напряжении, в течение которых происходили собеседования с родителями некоторых учеников, с ГОРОНО, с райкомом комсомола и т.д. Наконец, дело завершилось тем, что Олегу (староста) и мне (комсорг), вlepили по строгому выговору с предупреждением и занесением в личное дело, а также тройки по поведению за первую учебную четверть. Это был уже десятый класс, и дело в конечном итоге как-то замяли. Но Олега таки лишили серебряной медали, которую он по учебным результатам вполне заслуживал.

Остро и безвыходно переживали пору выбора профессии и дальнейшего обучения. Впрочем, наши герои за редким исключением выбор свой сделали много раньше: Олег Егоров избирает энергетику, Витя Аянов – архитектурный институт в Москве, Саня Борсук –

ГИТИС там же, Лёня Гарифулин – геологический факультет РГУ, я – в последний момент из трёх стихий вслед за Лёней остановил свой выбор на «земле». На моё решение Олег безапелляционно заявил: "Это не твоё место". И улетел в Москву поступать в Энергетический институт, куда успешно и поступил. Витя и Саня тоже отбыли в столицу.

Какова же была наша с Лёней радость, когда осенью 1949 года все трое, Виктор и Саня поступили на геологический факультет ростовского университета, а Олег тоже на геологический, но в воронежский университет. Вот тебе и выбор профессий: великий артист, знаменитый художник, создатель уникальных гидроэлектростанций, капитан и покоритель других стихий, а в реальной жизни все четверо вслед за самым скромным Лёней – геологи. Но поразительнее всего, что никто из них всерьёз и надолго не расстроился, не почувствовал себя неудачником, все на всю оставшуюся жизнь испытали счастье общения с нашей матушкой Землёй и радость познания её тайн. И немало преуспели: двое стали кандидатами, а двое докторами наук. Но жизнь их развела по своим укромным и весьма престижным местам. Но не всех и не навсегда.

Мы с Олегом, расставшись в 1948 году, соединились через 12 лет. В 1960 году он вместе с женой Ирой приехал навестить меня в г. Ставрополь. Была уже глубокая осень, а точнее зима. И я не нашел ничего более достойного, чем поездка на УАЗике с друзьями в замечательное поле поближе к Эльбрусу, в сверкающую красоту гор и кипящую благодать нарзанов. Остановились в истоках Ингушли вблизи группы минеральных источников, среди которых был крепко соленый нарзан. Перед нами лежал Кизилкольский хребет, за которым гигантским белоснежным чудом возвышался неправдоподобный Эльбрус. По этой дороге ближе к нему не подъехать. Разве что можно было спуститься в долину реки Тоханы и тем самым несколько приблизиться к вулкану, но тогда пришлось бы пожертвовать великолепием видов, открывавшихся с водораздела.

Надвигалась ночь, и следовало позаботиться о ночлеге. Впрочем, это никакой заботы для нас не составляло – приспособили для этого единственный в окрестностях летник. В нем даже окошки были застеклены, и сквозь них вовнутрь глядела фантастическая ночь из серебра и черни. От этого зрелища нас распирало восторгом и счастьем, особенно острым от крепчайшего огненного чая и уюта, неожиданного среди всего этого невероятного в черноте ночи лунно-звездно-снежно-горного великолепия. Никак не способные угомониться от впечатлений, мы неоднократно выходили из хилого убежища под черные своды неба с

дрожащими в нем от холода и блеска звездами, любовались и не могли налюбоваться чудом и красотой Земли и вселенной.

Расстелив на полу толстые кошмы и уложив на них спальные мешки, мы еще долго пировали постоянно подогреваемым на паяльной лампе чаем и болтали, вспоминая свою юность и строя планы на будущее. А оно и для Олега с Ириной теперь уже казалось накрепко связанным с такой, как у меня, работой.

Наутро задокументировали и опробовали Индышские нарзаны. Это было 23 декабря 1960 года. Наш предшественник, знаменитый кавказский геолог А.П.Герасимов, последний раз проделал это в 1929 году.

После таких впечатлений Егоровы твердо решили менять свое Забайкалье на Кавказ. И осуществили переезд в Ставрополь весной следующего года.

Естественным центром и средоточием новейшего вулканизма на Кавказе является Эльбрус. Именно им и занимались мы в то лето 1961 года. Считался он потухшим. Но от альпинистов и метеорологов было известно о каких-то и где-то близ вершины выделениях газов. Мы сами поставили для себя задачу отыскать на вершине вулкана действующие газопроявления и отобрать пробы газа для анализа и тем самым решить вопрос о фактическом состоянии вулкана.

Конечно, делая первые шаги по направлению к вершине, Мы с Олегом вовсе не думали о далеких последствиях предпринимаемого нами маршрута. Маршрут, как маршрут, может быть, несколько посложнее, поинтереснее, поопаснее. И не более того. Ну, пожалуй, все-таки и поромантичнее - как-никак, а все-таки вулкан, да еще, быть может, не совсем потухший! А между тем, именно этим маршрутом мы открывали новую жизнь для вулкана - жизнь в сознании людей технической, промышленной цивилизации, предполагающей и предопределяющей его вероятное вовлечение и в материальную жизнь этой цивилизации. Ведь как-никак, а его недра еще были насыщены могучей энергией, уже так недостающей людям этой новой, алчущей распространения цивилизации.

Строго говоря, то, что нам удалось обнаружить, классическому определению фумарол не соответствовало. Не было шипящих газовых струй, бешено вырывающихся из-под земли, не было удушающих облаков сернистого газа и температуры, достигающей десятков и сотен градусов. Было неожиданно тепло, и приятно зеленели нежные ворсинки мха на камнях в вытаявших нишах и лабиринтах под метровыми толщами каменно слежавшегося снега.

Температура в этих проталинах достигала 20 градусов. В них было уютно, лишь слегка пахло сероводородом и сыростью, между тем как снаружи температура была минусовая. В этих проталинах и подснежных лабиринтах были проведены необходимые измерения, отобраны пробы газа из расщелинок в грунте, взяты конденсаты, образцы пород и т.д.

Академик Дмитрий Иванович Щербаков, открывая осеннее собрание Академии Наук СССР, заявил, что он представляет свежее сообщение с передовой линии научного фронта – только что состоявшееся открытие, установившее, что Эльбрус не является потухшим вулканом, что он еще жив, еще дышит и, возможно, способен к пробуждению.

Так состоялось официальное признание факта возвращения вулкана в число действующих. Однако наша академическая организация передавалось в Госстрой СССР для решения только прикладных, связанных со строительством задач. Посему мы решили менять место приложения своих сил и мечтаний. Были разосланы письма в различные геологические организации Союза с предложением своих сил для воплощения в жизнь планов изучения вулканизма.

Из всего числа объектов наиболее подходящей по геологическому содержанию и потому наиболее привлекательной показалась нам Камчатка. Так Олегом и мной она была выбрана в качестве будущего места работы и постоянного жительства.

Первые полевые работы было решено проводить в окрестностях города на предмет поисков и обнаружения сигналов присутствия в его недрах горячих вод, если таковые окажутся там в наличии, так как город испытывал острую нужду в энергии (мазут завозился с материка пароходами!). Никто за это дело до сих пор не брался из-за боязни получить отрицательный ответ, что, по мнению некоторых, означало бы полнейшую научную несостоятельность. Мы с Олегом завершили здесь первый полевой сезон в ноябре, совершая последние маршруты по колено в снегу.

А из полевых впечатлений наиболее яркое – лагерь на берегу океана. Физическое ощущение безмерности водной стихии, простирающейся до берегов Америки, лососи, поднимающиеся из этих вод по речке Халактырке, птичьи колонии на скале, торчащей из океана прямо против лагеря. И тяжёлый магнетитовый песок пляжа, раскалённый до невозможности прикоснуться к нему босой ногой, и ледяная вода Тихого или Великого

океана, в которой невозможно пробыть более нескольких секунд. И счастье чувствовать себя естественной и гармоничной частью этого почти нереального мира.

Но это всё-таки не было для нас главной проблемой, поэтому горячее водоснабжение города Петропавловска как бы отходило к собственно гидрогеологам, а для решения проблемы, интересующей нас, желательнее было избрать другой объект. И мы выбрали для этого Налачевскую структуру, которая представляла собой место средоточия длительно развивающегося вулканизма и сопутствующих ему гидротермальных процессов до современных действующих вулканов и термальных источников. А помимо этого, район Налачево был расположен в непосредственной близости от города, то есть мы не уходили от первой задачи (тепло для города), мы лишь расширили область её решения. Как впоследствии оказалось, объект был выбран чрезвычайно удачно – на его примере удалось решить ряд кардинальных проблем вулканической геологии и рудообразования.

Работая вместе, мы скоро поняли, что, найдя общее дело и главную его идею, мы в силу особенностей наших индивидуальных свойств стремимся к получению результатов деятельности разными путями и методами. И ещё, конечно, с разной скоростью их решаем и по-разному их интерпретируем. Это порождает не столько конфликтность, сколько потерю времени на утряску и ликвидацию несостыковок. Поэтому и решили идти к общей цели, организационно разобщившись в разные лаборатории для сохранения каждым присущей ему индивидуальности. Так мы сохранили дружеские отношения на все последующие десятилетия и решили проблему разностороннего освещения предмета изучения.

Одной из основных черт личности Олега была, как выше отмечалось, фундаментальность, то есть основательность подхода к решению проблем, что обеспечивалось им неторопливостью, порой граничившей с медлительностью. Ещё в школьные годы эта особенность реализовалась в нём частыми опозданиями на уроки, что даже нашло отражение в дружеской эпиграмме на него, помещённой нашим поэтом Лёней Григорьяном в школьном журнале: Я помню чудное мгновенье,

(Быть может, это только сон),

Как мимолётное виденье

В класс осторожно вкрался он.

И тихий шопот удивленья

По классу трепетно летал:

Впервые после дней творенья

Он на урок не опоздал».

Впоследствии склонность Олега к основательности дополнилась ещё некоторыми милыми особенностями поведения. Например, независимо от обстоятельств и места, он каждое утро неизменно уделял не менее чем часовой зарядке с весьма существенной физической нагрузкой. Для этого ему почти всегда были необходимы какие-нибудь материальные тяжести. В Ставрополь из Забайкалья он приехал со спортивной штангой и соответствующими металлическими дисками. А на Камчатке в полевых условиях, куда затащить штангу или гири было невозможно, их заменяли ему крупные речные валуны или просто бульжники. Сразу же после жуткого камчатского землетрясения в 1971 году, когда все вокруг ещё в диком возбуждении суетились, искали друг друга в толпе выбежавших из дома людей или собирали опрокинутые и разбросанные вещи, он, расчистив на полу квартиры небольшую площадку, спокойно продолжал прерванную землетрясением зарядку.

В годы своей научной деятельности Олег неизменно и надолго затягивал сдачи научных отчётов, очень не торопился с публикациями, и защитил свою кандидатскую диссертацию, когда соратники защитили докторские. На защиту последней ему просто не хватило времени – жизнь закончилась раньше.

Но тем не менее он успел опубликовать три монографии, исключительно насыщенных обилием собранного им фактического материала по вулканизму и структурообразованию зоны перехода «океан – континент». Ведущим фактором, формирующим геологию этого региона, являются центры эндогенной активности. Они образуются над всплывающими в мантии диапирами – астенолитами, и их сущность и эволюция определяются взаимодействием мантийных диапиров со слоистыми и различающимися по составу структурами верхней мантии и коры [Егоров О.Н. Центры эндогенной активности (вулканические системы). М.: Наука, 1984. 166 с.]

Таким образом, у Олега эти проекции на земную поверхность мантийных источников вещества и энергии названы центрами эндогенной активности (ЦЭА), у меня они получили название вулканических центров (ВЦ). Но суть их одна, и проблема их локализации и роли в планетогенезе исключительно велика. Это автономные стоковые системы, осуществляющие сток вещества и энергии из мантии и очаговое магмообразование. По-видимому, изучение этого геологического явления можно причислить к новому научному направлению. И

значение работ Олега Николаевича Егорова в этом направлении нельзя переоценить [Егоров О.Н. Геодинамика и палеосейсмичность фланговой области северо-западного сектора зоны перехода океан-континент. М.: Наука, 2008. 186 с. Егоров О.Н. Структурообразование и магмогенез над верхнемантийными плюмами в вулканическом поясе зоны перехода океан-континент / Центры эндогенной активности/. М.: ИФЗ РАН, 2009-1электрон.опт.диск.].

Нельзя также не отметить и его чрезвычайной скромности при столь величайшей и плодотворной работоспособности. Он терпеть не мог излишнюю торопливость, поспешность в публикациях результатов работ, склонность к саморекламе. Поистине, он был образцом самоотверженного служения правде факта и обоснованности выводов. В его посмертной публикации как её редактор и друг автора я написал о нём:

Олег Николаевич был одним из последних «монстров геологии», не утративших под напором новейших технических средств и способов исследования верность геологическим методам – главному критерию истинности наших представлений о Земле. К великому сожалению, он не успел завершить намеченные им и в значительной мере осуществлённые планы. Но и в своих опубликованных трудах он оставил нам большое научное наследие. Его освоение будет способствовать дальнейшему развитию вулканической геологии и геодинамики вулканических областей.

Олег был самозабвенно влюблён в поле, а уж Камчатка с её геологией и первозданностью стала для него всем. Он не хотел расставаться с ней даже на недолго, почти никогда не выезжая в отпуск на материк. В ней он и остался навсегда вместе со своей женой Ириной.

Ю.П. Масуренков, Обираловка, 8 июня 2018 г.